

**Приземлиться и промахнуться:
семантические механизмы
синтаксических ограничений ***

В. А. Плунгян

Е. В. Рахилина

Институт языкознания РАН
plungian@iling-ran.ru

ВИНИТИ РАН

В статье еще раз обращается внимание на такие случаи, когда обязательный участник ситуации не может быть синтаксически выражен при соответствующем предикате. Классическим примером такого рода в МСТ всегда служил глагол *промахнуться*. Показано, что данные ограничения свойственны достаточно большому классу единиц и могут быть объяснены с помощью механизмов взаимодействия партиципантов друг с другом, которое фиксирует значения переменных, превращая их в своего рода «ситуативные константы».

Russian *prizemlit'sja* 'to land' and *promaxnut'sja* 'to miss': semantic reasons for syntactic blocking of the expression of participants. The paper reopens a discussion of such cases when an obligatory participant cannot have a syntactic expression within the corresponding verbal phrase. MTT always used the Russian verb *promaxnut'sja* 'to miss' as a classic example of this kind. We show that the similar restrictions operate for a considerable number of Russian predicate lexemes of different nature. A possible explanation for this type of syntactic behaviour is related to the (poorly elaborated) rules of participant interaction, which make the meaning of semantic variables "fixed" and yield so-called "situational constants".

0. Введение: постановка задачи

Настоящее исследование опирается на недавнюю статью И. А. Мельчука [Mel'čuk 2004], касающуюся теории семантических актантов и ограничений на их поверхностное выражение. В этой статье, в частности, формулируется принцип наследования обязательных участников (партиципантов): если в толкование данной лексемы входят предикатные значения, то все их обязательные партиципанты наследуются

* Настоящая работа частично поддержана грантом NSF N° BCS-0418311.

толкуемой лексемой и формируют множество ее обязательных участников (с. 12). Правда, не всякий такой участник может быть поверхностно выражен при лексеме. Одна из причин, как показано там же, на с. 13, связана с «фиксированностью», или полной определенностью партиципанта — когда он в большей степени константа, чем переменная.

В качестве примера И. А. Мельчук предлагает глаголы движения или каузации движения, в которых таким образом фиксирован начальный пункт движения. Нам кажется, хорошей иллюстрацией этого случая является глагол *приземлиться*, где при всех условиях исходной точкой движения является воздушное пространство — константа, которая не может быть выражена поверхностно. Пример, который использует здесь сам И. А. Мельчук — исходный пункт движения для глагола *класть*, который тоже никогда не выражается при этом глаголе, — строго говоря, не вполне константа. Надо сказать, что неточность интерпретации этого примера была допущена в работе [Рахилина 1990: 98—101], на которую дана ссылка в этом месте статьи. Для задач, которые решаются в статье И. А. Мельчука, эта неточность является незначимым нюансом — для нас, однако, она представляет некоторый интерес, поэтому мы остановимся на этом примере подробнее.

Дело в том, что предмет, который кладут, изначально находится в руке субъекта глагола *класть*. Следовательно, если бы мы подробно толковали этот глагол, фрагмент толкования, соответствующий исходной точке движения, содержал бы переменную (*рука X-a*), а значит, не был бы константой, как в *приземлиться*. Эта переменная, однако, никогда как переменная не выступает: у нее нет множества выбора значений, т. к. в каждой отдельной ситуации она связывается субъектом. Таким образом, чтобы быть совершенно точным, надо сказать, что, в отличие от *приземлиться*, содержащего в своем толковании абсолютную константу, независимую от конкретной ситуации, в *класть* имеется партиципant, фиксированный конкретной ситуацией, который может быть признан константой только внутри нее.

Нашей задачей будет показать, что поверхностная невыраженность обязательного партиципанта, даже и в тех случаях, когда он не является константой — связана с его фиксированностью относительно данной ситуации.

1. Глаголы движения: прагматика

В лингвистической литературе хорошо описан эффект дейктической (т. е. прагматической) фиксации партиципанта в глаголах дви-

жения, когда в начальной или конечной точке помещается говорящий или наблюдатель данной ситуации — впервые он был описан в работах Ч. Филлмора об английских глаголах *come* и *go* ([Fillmore 1983; 1997]; подробный анализ этого класса глаголов см. в [Падучева 2004: 373—383]). Партиципant, связанный дейктически, оказывается не выразим поверхностно, и, как показала Я. Паневова ([Paněvová 1994], см. также [Падучева 1998: 94] и [Шмелёв 1998]), к нему не может быть задан вопрос без нарушения условий успешности речевого акта. Надо сказать, что поскольку этот эффект не семантический, а прагматический, а прагматические условия очень подвижны и легко могут меняться в зависимости от контекста, строгого запрета на поверхностное выражение такого участника всё же нет: есть только тенденция, и ввиду сказанного выше, она представляется естественной.

Между тем, очень похоже на дейктические глаголы ведут себя глаголы перемещения или каузации перемещения, у которых исходная точка задана в презумпции и прагматически фиксирована — но уже не относительно говорящего или наблюдателя, а относительно субъекта движения.

Рассмотрим глагол *выпустить* (ср.: *ввиду амнистии, заключенных этой тюрьмы выпустили*); условную схему его толкования (в которой мы сознательно опустим несущественные для нас сейчас детали) можно представить так:

Презумпция: {В течение некоторого времени Q каузировал X находиться в пространстве L};

Ассерция: Q разрешил X перестать находиться в L.

В случае единичного X может возникнуть довольно жесткая прагматическая связь между ним и местом его заключения — тогда локативный участник не нуждается в поверхностном выражении и вопрос о нем свидетельствует о нарушении условий речевого акта:

— *Ходорковского выпустили.* — ^{??}*Откуда?*

Еще раз подчеркнем, что связанность данной локативной переменной ситуативна и не определяется семантикой предиката: например, если субъект движения множествен, то имеется возможность распределения между отдельными представителями множества субъектов по разным L (тогда вопрос *откуда выпустили?* становится вполне правомерным). Связанность L может быть нарушена и при единичном объекте — если имеется прагматическая презумпция по-

следовательности постоянных L для данного субъекта — другими словами, выбора L, — и в этом случае L тоже выразим: невыразимость обязательного участника обусловлена отсутствием выбора, т. е. фиксированностью в данной ситуации.

2. Ситуативная семантика: *выиграть* и *проиграть*

Глаголы *выиграть* и *проиграть* представляют случай более жестких запретов, которые обусловлены семантическими характеристиками ситуации.

В презумпции этих глаголов имеется ситуация игры — понятно, что она содержит игроков, а также саму игру, в которую они играют. Ассерция может добавлять к этому набору партиципантов выигрыш (или проигрыш) — в очках, деньгах, спичках и под. Ср.:

Хлестаков выиграл у городничего в карты 100 рублей.

Как видим, в этом предложении выражены все названные нами обязательные партиципанты, и к каждому из занимаемых ими «мест» в предложении может быть задан вопрос, потому что у Хлестакова имеется выбор: партнера, игры и в каком-то смысле — выигрыша.

Совершенно другая ситуация — в случае:

Челси выиграл (у Спартака) (2 очка).

В этом предложении не случайно остается невыраженной игра, в которую играли соперники. Вопрос к этому участнику (**Во что / в какую игру выиграл Челси?*) тоже звучит нелепо: это как раз тот случай, когда нет выбора значений партиципанта, потому что значение его связано семантикой субъекта: Челси играет только в футбол (хотя, как маргинальную, можно представить себе ситуацию типа: *Челси выиграл у Спартака 2 очка в домино*). Говоря языком модели «Смысл \Leftrightarrow Текст», в семантику имени *Челси* встроено, что это футбольный клуб, т. е. команда, которая играет в футбол — эта семантическая информация связывает переменную игры в толковании *выиграть / проиграть* — но, повторим, не вообще, то есть у предиката в целом, а в данной ситуации. Фиксированная ситуацией информация не выражается как «лишняя» — видимо, по тем же причинам, по которым мы избегаем дискурсивных повторов типа: *он пришел и (*он) тут же ушел*.

3. Антирезультативы

Теперь рассмотрим случай, когда сама глагольная семантика требует ситуативной связанности партиципантов. Это свойственно антирезультативным глаголам (подробнее о семантике и грамматике антирезультативности см. [Плунгян 2001]), и прежде всего наиболее представительному их классу — глаголам ликвидации результата (ликвидативам, по Апресян 1974: 46 и 290—292).

В качестве примера рассмотрим глагол *разоружать(ся)*. В презумптивную часть его толкования входит предикат *быть вооруженным*, который, среди прочих, имеет обязательный партиципант ‘вид оружия’:

Иракская армия вооружена автоматами, минометами и ракетами.

Следуя Принципу наследования обязательных участников, о котором мы говорили во введении, этот участник должен воспроизводиться в ликвидативном *разоружить(ся)* — однако оказывается, что он не может быть поверхностно выражен при данном глаголе, ср.:

*Буш разоружил иракскую армию (*на / *от ракет).*

Для того, чтобы выразить этот смысл, нужно выбрать другой глагол, ср.:

Буш снял с вооружения иракской армии ракеты

или:

Буш сократил вооружение иракской армии на 3 миномета.

Нам кажется, что данный запрет имеет в целом тот же механизм, что и запреты, рассмотренные выше: ситуация фиксирует род вооружений, от которого требуется освободиться, разоружаясь (это те самые вооружения, которые были «обозначены» в презумпции глагола), причем фиксирует его в полном объеме — и выбор каких-то других вооружений невозможен. Другое дело, что природа запрета здесь, в отличие от ранее рассмотренных случаев — не прагматическая, а сугубо семантическая, так что во всех употреблениях глаголов определенной (ликвидативной) семантической структуры этот эффект будет сохраняться, ср. *разгрузить, разуть, раздеть* и др. под.

З а м е ч а н и е. Следует отметить, что в семантическом отношении рассмотренные глаголы ликвидации результата связаны с так называемой

группой «полного охвата» [Апресян 1974: 279—280; Падучева, Розина 1993; Падучева 2004: 64—65], ср. *замазать стену краской, засеять поле клевером, залить каток водой* и под.; такие глаголы называют еще глаголами с ингерентной темой — под темой в этом случае имеется в виду средство обработки объекта (*краска, клевер, вода* и др.). Правда, не всякий глагол полного охвата имеет соответствующий ликвидатив, а только очень немногие, но эти ликвидативы, как кажется, полностью оправдывают и термин «полный охват» (если уж *разоружил* — то полностью, если *разгрузил* — то целиком), и термин «ингерентная тема», потому что тема (= средство) настолько встроена в семантику ситуации, что не нуждается в поверхностном выражении.

К рассмотренному (продуктивному со словообразовательной точки зрения) классу глаголов с приставкой *раз-* примыкают глаголы ликвидации результата другой поверхностной структуры, ср. *выходить*.

Глагол *выходить* имеет презумпцией острую болезнь X-а (Z), от которой он, скорее всего, должен был бы умереть — если бы не Y, который, ухаживая за X-ом, избавил его от этой болезни Z. Заметим, что И. А. Мельчук, подробно рассматривая типологию конструкций с глаголами умирания (см. с. 31 цитированной выше статьи), приходит к выводу, что для русского *умирать* (в отличие, может быть, от глаголов других языков) причина является обязательным участником (см. сноску 17 на с. 62). Таким образом, болезнь Z как участник входит, по правилам наследования, в число обязательных участников глагола *выходить* — но поверхностно при нем не выражается, ср.: *Няня выходила его <*от тифа>*, т. к. в ситуации, заданной данным глаголом, нет альтернативы для этого участника: болезнь фиксирована, если задано страдающее от нее лицо¹.

В группу антирезультативных глаголов входят не только глаголы ликвидации результата, но и глаголы неудавшегося действия: как показано в [Плунгян 2001], часто те и другие демонстрируют сходное лингвистическое поведение. Примером глаголов этого класса

¹ Любопытен в этом отношении глагол (*вы*)лечить, который по сравнению с *выходить* имеет дополнительного участника — ‘средство лечения’ (ср.: *вылечил травмами*). Это обстоятельство делает семантическую структуру *вылечить* принципиально другой, чем у *выходить*: каждое средство оказывается действенным по отношению к своему кругу заболеваний — поэтому вопрос: *от чего тебя вылечили травмами?* прагматически звучит много лучше, чем **от чего тебя выходили?* Несколько огрубляя, можно сказать, что *выходить* — это обеспечить такой уход, при котором человек преодолевает то, от чего должен был бы умереть, тогда как *вылечить* — успешно применить лекарственное средство к некоторой (одной из) болезни. Легко видеть, что последнее сохраняет выбор значений участника Z.

можно считать близкий к *выходить* глагол *выжить*. Его анализ, в сущности, повторяет *выходить* — с точностью до каузативности (так же, как и *выходить*, этот глагол имеет в презумпции ситуацию ‘умирать от Z’), поэтому мы не будем на нем останавливаться. Зато другой глагол неудавшегося действия слишком известен, чтобы его пропустить: это глагол *промахнуться*, загадка которого (см. Мельчук 1974: 135, Апресян 1974: 147—149, Mel’čuk 2004: 41—42), как кажется, до сих пор не решена.

Согласно Mel’čuk 2004, глагол *промахнуться* имеет большой набор обязательных партиципентов, унаследованный от глагола *стрелять*, составляющего его презумпцию: ‘стрелок’, ‘мишень’, ‘оружие’, ‘средство’, ср.: *он выстрелил в меня из детского пистолета вишневыми косточками*, — однако ни один из этих партиципентов, кроме субъекта, не может быть выражен при самом глаголе *промахнуться*, ср. *он промахнулся* (**в меня* / **из детского пистолета* / **вишневыми косточками*). Легко видеть, что, как и в предыдущих случаях, для каждого из поверхностно невыразимых участников отсутствует ситуация выбора в случае, если задан субъект: каждый данный субъект промахивается, стреляя именно из того оружия, тем средством и по той цели, которая задана для него в презумпции и не может их изменить: действительно, нельзя стрелять в зайца, а промахнуться по отношению, скажем, к оленю.

Несколько другая ситуация с предикатом *не попасть*, действительно чрезвычайно близким по семантике к *промахнуться* (Мельчук 1974): фактически, *не попасть* повторяет ассертивную структуру *промахнуться* полностью — с точностью до связанности партиципанта ‘цель’. Дело в том, что в исходном *попасть* допускается альтернатива цели, если говорящий не отслеживает весь процесс стрельбы, а делает акцент только на ее результате: *попал не в зайца, а в оленя*; ср. в связи с этим возможное: *он не попал в зайца, зато попал в оленя*. Другими словами, в ситуации с *попасть* (но не с *промахнуться*), стрелявший мог вовсе не целиться, а выстрелить наугад, и тогда цель стрельбы *выбирается* — так сказать, волей случая. Что же касается *промахнуться*, то, по бесхитроственному толкованию В. И. Даля, этот глагол означает ‘не попасть во что метил’, т. е. не достичь именно заранее выбранной цели (ср. более «строгое», но, как оказывается, менее адекватное толкование МАС: ‘не попасть в цель’).

Глагол *промахнуться* не единичен: точно так же, например, ведет себя близкий ему морфологически антирезультативный глагол *просчитаться* (*он хотел обмануть нас, но просчитался*), который, правда, менее интересен синтаксически, чем *промахнуться*, по-

скольку содержит в презумпции всего одну переменную, не считая субъектной. Эта переменная описывает отрицательно оцениваемые говорящим планы субъекта (ср. *обмануть* в приведенном выше примере), которые в результате неправильного расчета оказываются нереализованными. Поскольку субъект просчитался в реализации всех тех планов, которые задумал (полный охват возможностей), у него нет выбора в отношении этой переменной (переменной «планов») в рамках данной ситуации — следовательно, она не может быть выражена поверхностно, ср. **просчитался в обмане*.

Для сравнения здесь можно взять глагол *ошибиться*, при котором всегда можно выразить объект ошибки (*ошибиться адресом, дверью, в расчетах* и т. п. — см. подробнее Апресян 2004, Кустова 2004: 236 и сл.). Это возможно потому, что ошибка не охватывает деятельность субъекта целиком и тем самым не фиксируется субъектом, а выбирает какой-то частный аспект его деятельности, ср. *решил задачу, но ошибся в подсчетах; принес подарок, но ошибся дверью (адресом)* и под.²

4. Заключение

Мы обсуждали механизм, который обуславливает причины поверхностной невыраженности обязательных партиципантов лексемы. С точки зрения теории «Смысл \Leftrightarrow Текст», описание этого механизма важно потому, что иначе неясно, отчего принцип наследования распространяется на обязательных партиципантов, но не на слоты семантических актантов (ср. Mel'čuk 2004: 41): «партиципанты действительно наследуются, но это, однако, не обязательно означает, что наследуются Sem-A-слоты». Ответ, который мы предлагаем, связан с презумптивной связанностью одних переменных в толковании другими — т. е. с более или менее жестким взаимодействием партиципантов друг с другом, которое фиксирует значения переменных, превращая их, если так можно сказать, в «ситуативные константы».

На сегодняшний день структура толкований и моделей управления, принятая в МСТ, не позволяет такое взаимодействие отразить, потому что представляет переменные в толковании как независимые друг от друга объекты. Внимание к взаимодействию переменных

² «В случаях типа *ошибся дверью* ошибка состоит в неправильном выборе объекта (из ряда однородных), т. е. действие правильное, а объект неправильный» [Кустова 2004: 236].

сильно в школе формальной семантики, но, как нам кажется, в рамках этого направления тоже пока не обсуждались проблемы такого рода — по-видимому, из-за недооценки лексической семантики в целом как предмета исследования. Насколько и в какой форме описание лексической структуры предиката должно отражать такие взаимодействия — вопрос пока открытый.

Литература

- Апресян Ю. Д. 1974. Лексическая семантика: Синонимические средства языка // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1995 (2-е изд.).
- Апресян Ю. Д. 2004. Синонимический ряд *ошибаться 1* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры, Венский славистический альманах, 2004. 2-е изд. С. 752—757.
- Кустова Г. И. 2004. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Мельчук И. А. 1974. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М.: Наука, 1974.
- Падучева Е. В., Розина Р. И. 1993. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // Вопр. языкознания. 1993. № 6. С. 5—16.
- Падучева Е. В. 1998. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. Вып. 36. С. 82—107.
- Падучева Е. В. 2004. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Плунгян В. А. 2001. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50—88.
- Рахилина Е. В. 1990. Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке). München: Sagner, 1990.
- Шмелев А. Д. 1998. Типы «нев्यраженных валентностей» // Семиотика и информатика. Вып. 36. 1998. С. 167—176.
- Fillmore Ch. J. 1983. How to know wheather you're coming or going // G. Rauh (ed.). Essays on deixis. Tübingen: Narr, 1983. P. 219—227.
- Fillmore Ch. J. 1997. Lectures on Deixis. Stanford: CSLI, 1997.
- Mel'čuk I. A. 2004. Actants in semantics and syntax, I: actants in semantics // Linguistics. 42.1. 2004. P. 1—66.
- Panevová J. 1994. Valency frames and the meaning of the sentence // Ph. A. Luelsdorff (ed.). The Prague school of structural and functional linguistics. Amsterdam: Benjamins, 1994.